

ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2024 протоиерей Димитрий Гоцкалюк
Ялта, Россия

ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРИЯ (АБАШИДЗЕ) С МИТРОПОЛИТОМ ВЕНИАМИНОМ (ФЕДЧЕНКОВЫМ)

Аннотация. Статья посвящена истории взаимоотношений двух известных иерархов Русской Православной Церкви – святителя Димитрия (Абашидзе) и митрополита Вениамина (Федченкова). Новый вводимый в научный оборот биографический материал позволяет не только заполнить отдельные лакуны биографии, но и поставить вопрос о характере их взаимоотношений, о понимании тем и другим своего церковного служения и о выявлении различий в этом. Выясняется, что митрополит Вениамин исповедовал сложную форму корпоративного поведения (и мировоззрения), соединяющую аскетизм и светскость, которая в отдельные периоды жизни проявлялась по-разному. В статье рассматриваются годы его служения ректором в Таврической духовной семинарии: 1911–1913 и 1917–1919 гг. В то же время для святителя Димитрия (Абашидзе) был характерен традиционализм, опора на аскетизм, церковное понимание миссионерства и учебно-воспитательной деятельности. Их взаимоотношения целиком определялись разницей их понимания церковных задач, включая миссионерское дело и общественное служение.

Ключевые слова: святитель Димитрий (Абашидзе), митрополит Вениамин (Федченков), история взаимоотношений, Русская Православная Церковь, Таврическая духовная семинария, предреволюционные и революционные годы.

Ссылка при цитировании: Протоиерей Димитрий Гоцкалюк. История взаимоотношений святителя Димитрия (Абашидзе) с митрополитом Вениамином (Федченковым) // Традиции и современность. 2024. № 39. С. 3–19

Протоиерей Димитрий Гоцкалюк (Dimitry Gozkalyuk) – аспирант Общецерковной аспирантуры и докторантуре имени Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (ОЦАД, г. Москва), клирик Симферопольской и Крымской епархии Русской Православной Церкви, эл. почта: gotdd@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2024. № 39. С. 3–19

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoslavie.ru>
УДК – 93/94; ББК – 86.372; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2024-39/3-19>

Важно и полезно обратиться к биографиям двух известных крупных церковных иерархов, один из которых уже является местночтимым святым (святитель Димитрий (Абашидзе), 1867–1942), а другой, известнейший митрополит Вениамин (Федченков, 1880–1961), почитается за верность Русской Православной Церкви в пору вынужденной эмиграции, а также за многочисленные духовные просветительские труды. В статье мы ставим задачу не только ввести в научный оборот новые биографические данные, но и в свете новых источников представить драматуригию их взаимоотношений, что является принципиально новым, неисследованным моментом в их биографиях. Влияние святителя Димитрия на митрополита Вениамина было огромным, но сам факт этого влияния, как и обстоятельства формирования их взаимоотношений, митрополит Вениамин никогда не озвучивал, хотя у него были склонность и вкус к написанию воспоминаний. Причины этого будут поняты и раскрыты ниже, но они, на наш взгляд, указывают на важность и приковенность (в первую очередь для митрополита Вениамина) этого влияния. В том смысле, что яркий свет высвечивает потаенные уголки человеческого бытия, обнаруживая скрытые там до поры недостатки. Как духовный человек митрополит Вениамин должен был быть благодарен святителю Димитрию за подобное действие, хотя, может быть, и болезненное для самолюбия еще и в связи с тем, что делал это не святой праведный Иоанн Кронштадтский, а «обычный архиерей». Словом, перед нами особая ситуация, возможная только в Церкви, складывавшаяся между двумя крупными церковными личностями и подвижниками, и характер ее настолько острый, что о ней ни тот, ни другой не поведали миру при своей жизни. В своем исследовании мы опираемся на архивные материалы, ранее не публиковавшиеся и не задействованные в исследованиях.

Мы отталкиваемся от того, что это были два духовно очень разных человека. Святитель Димитрий – натура цельная, сугубо христианская, церковная, аскетичная; как личность – традиционалист, консерватор, человек «правых убеждений», монахист, славянофил, как понимал эту идею Н. Я. Данилевский. Все около- и нецерковное он понимал как область для миссионерства, как и все безнравственное, сектантское, языческое, требующее духовного врачевания и изменения. Действуя везде церковно, в рамках строго святоотеческих подходов внутри Церкви, рядом с Церковью и далеко за ее пределами, он везде был целен и ясен в своей цельности. Иное дело митрополит Вениамин, человек хотя и церковный, любящий аскетику, особенно в зримых конкретных образцах подвижничества и святыни (что и заставляло

Епископ Вениамин (Федченков)

его много раз обращаться к старцам, а также видеть и собирать примеры подвижнической жизни), но не довольствовавшийся одним этим, сочетавший в себе непостижимым образом консервативные, традиционалистские и противоположные им – модернистские, церковно-либеральные принципы. Такое сочетание, конечно, позволяло ему, как церковно-общественному деятелю, умело балансировать в предреволюционную, мятущуюся и постоянно меняющуюся эпоху, учитывая интересы разных, нередко противоположных сил, что указывало на осторожную, но все же направленность на карьеру, публичность и тому подобные светские ориентиры. Заметим, что именно модернистско-либеральный элемент, учет интересов «жгучей современности» открывали перед ним многие двери, были своего рода ключом, с помощью которого во многом осуществлялась его церковная карьера (во всех смыслах), также это был главный инструмент его церковной проповеди, миссионерской деятельности как архимандрита, а потом епископа (митрополита).

Подчеркнем, что митрополит Вениамин не был классическим либералом, он действовал мягко, почти незаметно невооруженному глазу, пользовался возможностями либерального отношения к миру, в то время как консерватизм им демонстрировался

зримо, как основное орудие преображения мира. Два кратких примера. Архимандрит Вениамин публично критиковал В. В. Розанова за его глумление над христианством в 1910-е годы. Но когда того исключили из Петербургского религиозно-философского общества, он отправил Василию Васильевичу *личное письмо* с поддержкой, из-за его «отлучения», отмечая, что тот не брошен, он не один, а «с Церковью Христовою»¹. В этом был весь Федченков! Другой пример, касающийся его пребывания сразу после эмиграции в Константинополь в католическом монастыре ордена ассоциионистов («успенцев», почитателей Успения Божьей Матери), где он с комфортом пребывал, жил, молился и мучился тем, а можно ли соединять «удобство и аскетизм души». Он считал, что можно, думая, очевидно, об о. Иоанне Кронштадтском, но «для нас, средних; нам не удержаться от искушений» (Митрополит Вениамин 2003: 19). Он, будучи епископом, молился в католическом храме и вопрошал в дневнике: «Что значит мое томление в их храме?» (Митрополит Вениамин 2003: 31). Он словно успокаивал себя такими тревожащими вопросами. Как богослов, он должен был заботиться о духовном состоянии, но в его текстах все время звучит «психологическое состояние» человека.

Научной литературы, анализирующей биографии указанных двух иерархов Церкви, не так много. В отношении святителя Димитрия мы бы остановились на трех работах: кропотливо составленное жизнеописание протодиакона Василия Марущака (Протодиакон Василий Марущак 2006: 80–166), краткая, но фактологически емкая биография в справочнике Л. П. Рылковой (Рылкова 2008: 45–58); монография, освещавшая крымский период архиерейства святителя – труд А. С. Пученкова и В. В. Калиновского (Пученков, Калиновский 2020: 25–383). Биография митрополита Вениамина представлена в работах А. Малова (Малов) и Р. Просветова (Просветов 2022). Но в обеих работах отсутствует подробный анализ крымского периода в нужном нам аспекте. Всю необходимую для статьи информацию нам удалось получить в Государственном архиве Республики Крым (ГАРК), а также в «Таврических епархиальных ведомостях». Этот новый биографический материал оказался чрезвычайно интересным и важным для понимания взаимоотношений двух церковных деятелей, поскольку представлял достаточно объективную информацию (факты, происшествия), которая на фоне текущих исторических событий могла трактоваться вполне определенно. Вот почему мы считаем, что материалы, приведенные в статье, существенно дополняют биографии обоих архиереев, раскрывают их с новой, неизвестной стороны, особенно образ митрополита Вениамина.

Архиепископ Димитрий (Абашидзе). 1917 г.

Знакомство святителя Димитрия с архимандритом Вениамином произошло после утверждения первого на Таврической кафедре в 1912 г. Епископ Димитрий, сменивший в Крыму епископа Феофана (Быстрова), принял в свое подчинение и весь церковный актив епархии, а среди них и архимандрита Вениамина, заведующего Таврической духовной семинарией. Архимандрит Вениамин появился в Таврической епархии в 1911 г., почти через год после назначения епископа Феофана, и, судя по всему, не по его прошению, а по собственному желанию перебраться в Крым. Не будем исключать и карьерных интересов будущего митрополита, потому что епископ на Крымской кафедре становился ближе к царю как духовник, возможности епархиального владыки, в отличие от ректора Духовной академии были гораздо большими. О том, что епископ Феофан сам не проявлял инициативы перетянуть иеромонаха Вениамина из Петербурга, говорит тот факт, что место ректора Таврической духовной семинарии, занимаемое архимандритом Серафимом (в пору появления епископа Феофана), после его перемещения в Саратов занял архимандрит Павел (Вильковский).

Дважды в 1911 г. иеромонах Вениамин (Федченков), в ту пору доцент Петербургской духовной академии, приезжал в Крым к епископу Феофану. Первый раз весной, Великим постом (Хроника 1911а: 446), второй раз летом, в конце июля (Хро-

ника 1911б: 801). Оба раза появление его сопровождалось участием в архиерейском богослужении и произнесении проповеди. Нам думается, оба раза иеромонах Серафим использовал приезд именно для того, чтобы высказать желание и просьбу трудиться рядом с владыкой. Хотя лето 1911 г. и для епископа Феофана было непростым, ведь в самом начале этого года епископ Феофан выступил перед Синодом с предложением официально выразить императрице «неудовольствие в связи с поведением Распутина» (Бэттс, Марченко 1994: 45). Ему было важно знать о настроениях, о петербургских новостях, и иеромонах Вениамин был ему полезен и как вестник. 25 августа 1911 г. Таврическую семинарию покинул архимандрит Серафим, а на его место 1 сентября пришел архимандрит Павел (Вильковский), бывший смотритель Торопецкого Духовного училища Псковской епархии, будущий новомученик. В прощальной речи инспектора Таврической духовной семинарии по поводу перемещения архимандрита Серафима звучали слова о *неожиданной* вести о его переводе и о сожалении расставаться с «мудрым и опытным кормчим» (Отбытие из духовной семинарии 1911: 950). То есть сам по себе процесс перемещения не был плановым, не был инициативой Синода, это была интрига, связанная с переводом иеромонаха Вениамина из Петербурга в Крым. Архимандрит Павел недолго находился в должности ректора Таврической семинарии – с начала сентября по конец декабря 1911 г., а уже 20 декабря иеромонаха Вениамина назначили новым ректором и сделали архимандритом (Определение Святейшего Синода 1912: 27). Архимандрит Павел был переведен настоятелем Успенского мужского монастыря г. Уфы. Неожиданное назначение на место ректора Таврической духовной семинарии и еще более неожиданный перевод в г. Уфу! (В годы революции архимандрит Павел, уже будучи архиереем, принял мученическую смерть от большевиков.)

Архимандрит Вениамин (Федченков) находился на посту ректора Таврической духовной семинарии с 21 декабря 1911 г. до 26 августа 1913 г. Епископ Феофан покинул Таврическую епархию 25 июня 1912 г., но архимандрит Вениамин остался в Крыму и при новом архиереем епископе Димитрии (Абашидзе), продолжая исполнять обязанности ректора Таврической духовной семинарии. Духовный сын не отправился «в астраханскую ссылку» вместе со своим духовным отцом. Этот момент и позволяет нам говорить напрямую о «карьерных интересах» архимандрита Вениамина, как в случае с назначением его на должность ректора Таврической духовной семинарии, так и в случае сохранения этой должности при новом архиереем. Но, повторим, карьерный интерес у него не был преобладающим; сдержива-

Епископ Феофан (Быстров)

ющим началом здесь постоянно выступало консервативное, в какой-то степени аскетическое начало, которое архимандрит демонстрировал в повседневной жизни.

На примере редакционной политики «Таврических епархиальных ведомостей» проиллюстрируем, как соблюдался баланс интересов в ту пору, когда изданием руководил архимандрит Вениамин. Став ректором семинарии 21 декабря 1911 г., он не получил поначалу пост редактора «Таврического общественно-церковного вестника» и «Таврических епархиальных ведомостей», которые издавались под одной обложкой. Первый освещал общечерковные вопросы в контексте епархиальном, а вторые касались сугубо местной специфики. Архимандрит Лаврентий, редактор «Таврического общественно-церковного вестника», был перемещен на другое место в конце апреля 1912 г., а его место занял архимандрит Вениамин. Очевидно, что для многих это было неожиданностью, так что при прощании с архимандритом Лаврентием о. Вениамину пришлось даже произносить перед воспитанниками-семинаристами благодарственное слово уходящему редактору, сделав акцент на теме «судите судом пра-ведным». Проводилась мысль, что надо судить «не

по идеалу», а «по ситуации», «по обстоятельствам»; этот последний суд более напоминает промысел Божий, о чем архимандрит Вениамин специально сказал в прощальном слове (Прощальное слово 1912: 465–468). Очевидно, людей волновал вопрос о неправомочности происходящего.

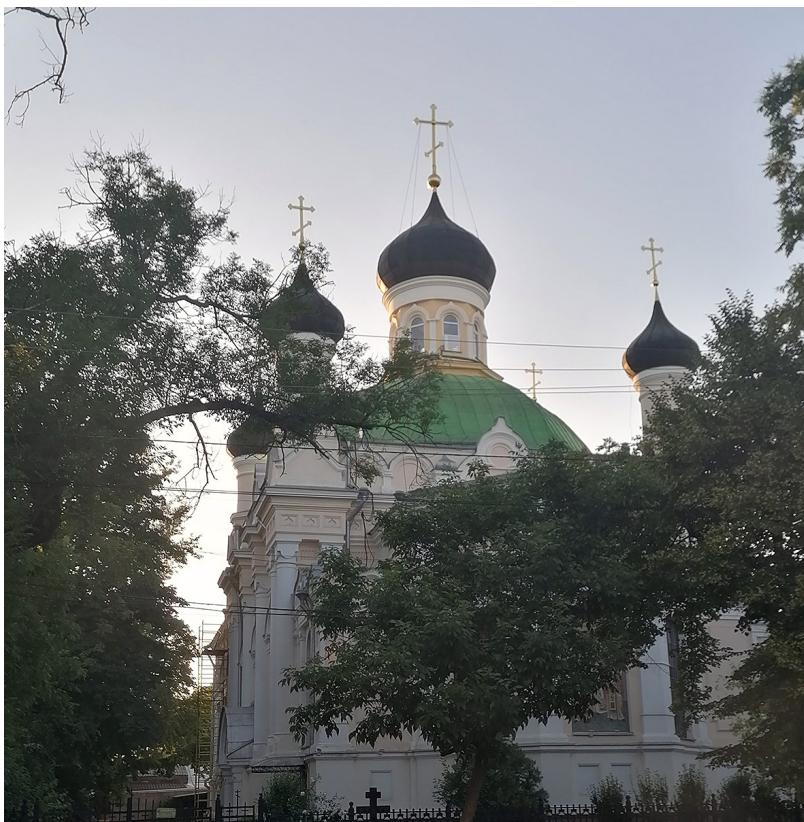

Епархиальная духовная семинария г. Симферополь.
Современный вид. Фото автора

«Вестник/Ведомости» – епархиальный журнальный орган – был важным рупором проявления общественной активности, к чему большей частью и был склонен архимандрит Вениамин. Но он осторожен. В первых номерах, вышедших под его руководством, преобладала подборка статей аскетического содержания. Проповеди на первой полосе принадлежали или о. Иоанну Кронштадтскому, с которым архимандрит был когда-то лично знаком, или святителю Игнатию Брянчанинову. Темы покаяния и крестоношения были здесь преобладающими. Даже в своей программной статье «Что такое «живое» проповедническое слово?» архимандрит Вениамин выстраивает концепцию миссионерского слова как слова «со властью», как говорил Спаситель в Евангелии, то есть декларируя приоритет монолога, а не диалога. Но уже и здесь проскальзывают первенство светских мыслителей над святоотеческими, вспоминается Вл. Соловьев, разъясняющий, что такое «живое слово». Однако такой «односторонний» подход скоро начинает изменяться:

в издании стали публиковаться статьи политического и общественно-политического содержания. Поначалу осторожно затрагивается тема восстановления патриаршества, затем появляются статьи о выборах духовенства в Думу, и эта тема вскоре становится чуть ли не главной. Тема «монолога» для миссионерской проповеди также скоро заменяется практической злободневностью, «борьбой», разного вида спорами с сектантами. Также появляется светская литературная тематика, привязанная к духовным вопросам, в основном на примерах героев Достоевского. То есть, находясь еще под властью аскета епископа Феофана, архимандрит Вениамин со страниц епархиального издания явно ведет проповедь, рассчитанную на малоцерковную интеллигенцию, малочувствительную к проповеднической деятельности. Первым самостоятельным номером архимандрита был № 12 за 1912 г., а уже в № 21 сообщалось, что на смену епископу Феофану пришел новый архиерей, епископ Димитрий (Абашидзе). Однако архимандрит Вениамин уже развернул в епархиальном издании ту деятельность, которая была ему близка, и новому владыке с трудом удавалось корректировать этот курс в соответствии со своими интересами, более ориентированными на внутреннюю жизнь епархии, причем в ее строго миссионерском и разностороннем христианском деятельности. Столкновение этих двух лиц, хотя и мягкое, щадящее со стороны правящего архиерея, было запрограммировано, потому что подходы к церковной миссии у того и другого были разные. Но мы не хотели бы обращаться к глобальным вопросам, разбирать сложную и скользкую тему «характеров», поскольку важнее остановиться на нескольких конкретных эпизодах и, опираясь на факты, показать разницу в отношении «к делу», к руководству коллективами.

Итак, разберем подробнее обстоятельства, предшествующие уходу архимандрита Вениамина с поста ректора Таврической духовной семинарии. События эти развивались быстро, динамично, словно этот кризис подготавливавшийся и накапливавшийся как болезнь и вылился в ряд поступков, в принятие решения об уходе. В 1913 г. архимандрит Вениамин выносит на преподавательский суд одно важное нововведение, точнее, его проект. Он делает в семинарии доклад «О развлечениях для воспитанников семинарии». Конечно, это была для него ключевая тема, к которой он долго готовился, хотя истоки ее можно обнаружить в самом первом номере «Таврического церковно-общественного вестника», вышедшего под его руководством. Там была статья «О неразумных развлечениях. (Из творений Св. Василия Великого)» (О неразумных развлечениях 1912: 29–37), в которой подробно разбирается концепция

Семинарский храм во имя Трех святителей г. Симферополь.
Современный вид. Фото автора

«развлечений» в их отрицательном значении. Но к этой теме архимандрит больше года не возвращался, подыскивая момент для ее масштабного освещения. Сама организация доклада в стенах семинарии перед лицом ее Правления, состоящего из преподавательского актива, включала два этапа: сначала ректор 26 апреля 1913 г. сделал заявку на проведение мероприятия на заседании Правления, а 5 мая прочел сам доклад. В заявке говорилось, что для ректора вопрос о развлечениях для семинаристов стоит давно, еще с той поры, когда он руководил Петербургской духовной семинарией. Архимандрит говорит настойчиво и решительно, как будто это вопрос, не требующий особого обсуждений: «Нет особой нужды доказывать необходимость этого положения со стороны педагого-психологической. Достаточно сказать, что молодое, полное сил юношеское настроение требует себе исход и удовлетворение» (ГАРК. Ф. 113. Оп. 1. Д. 346. Л. 83). Он ссылается на «циркуляры последнего времени», которые, по его мнению, разрешают действовать в этом направлении, а также на петербургский опыт, «где из местных сумм отпускаются специальные средства на статьи разумных развлечений». Ректор считает, что Таврическая семинария «шла всегда навстречу

этим запросам» и поэтому речь идет «о более планомерном разрешении вопроса о разумных развлечениях» (ГАРК. Ф. 113. Оп. 1. Д. 346. Л. 84).

Основной доклад, как уже было отмечено, читался автором на следующем заседании Правления – 5 мая 1913 г., и доклад был выдержан уже в более строгих тонах. Очевидно, уже имелась первая реакция на вызов, брошенный семинарскому педагогическому коллективу, традициям духовной семинарии. В начале доклада автором ставится философская проблема понимания необходимости развлечений для семинаристов. Речь идет о мероприятиях, которые бы «освежали однообразие текущей жизни, внося новые интересы и новые чувства, – и таким образом как бы рассеивали некоторые чувства тяготы, которые бывают плодом в уставшей душе от повседневных и нередко довольно утомительных работ или даже – от бесцветной, скучной, а может, и от малодеятельной

обыденности» (ГАРК. Ф. 346. Оп.1. Д. 113. Л. 81). Здесь, безусловно, заключена целая «философия», даже определенное мировоззрение, что указывает на особую важность этого отрывка. Собственно, он признается, что воспитывать необходимо не духовного в своей основе человека, как понимает личность Церковь, а психологического человека, в понятиях светских, научных и, конечно, обыденных, принятых у интеллигенции. Именно «психологическая личность» страдает от скуки, именно она пытается погасить свое состояние развлечениями, конечно, разными по своей природе. Таким образом, для автора доклада аксиомой является существование такого человека в семинаристской среде (в том числе), а значит, и признание неспособности духовными средствами решать сугубо церковные проблемы. Так ставит вопрос архимандрит Вениамин в своем докладе.

Итак, переходим к трактовке «развлечений», позволяющих решить некую психологическую задачу. Развлечения нужны, чтобы «как бы забыться на некоторое время и через это дать отдых в той ея (души. – Д. Г.), выражаясь конкретно, части, которая переутомилась или устала или начала тяготиться однообразием». В этом случае развлечения «от-

влекает внимание от постоянной работы». Заметим со своей стороны, что аритмия в работе, перемена деятельности, включающая в том числе отдых, как известно, приветствовалась и многими подвижниками, поэтому сам по себе этот принцип «перемены деятельности» не вызывает вопросов. Далее автор пишет: «Круг развлечений может быть весьма широк». Разумеется, исключаются «непристойные и неразумные» развлечения. Критерием для отбора развлечений могут служить следующие принципы: 1) польза, в широком смысле; 2) интересность; 3) практическая осуществимость. Интересность, интерес, «как психологический центр развлечений», должен соединяться с их полезностью. Но главное все же состоит в «освежении психики». По содержанию развлечения делятся на 1) физические: от гимнастики, игры в городки, колки дров до посадки деревьев и езды на велосипеде; 2) эстетические: музыка, рисование, посещение выставок; 3) умственные: это вечера или иные собрания (литературные, богословские, философские и т. д.). Посещение театров и кинематографа архимандрит Вениамин также относит к умственным развлечениям; 4) познавательные развлечения включают в себя паломничества, посещения музеев, фабрик, кораблей с духовными и познавательными целями; 5) игровые (танцы); 6) просветительские (комнаты для чтения – читальни).

Архимандрит Вениамин предлагает семинарской комиссии сосредоточиться на том, что мы обозначили как «умственные» развлечения, а среди них – литературные чтения или литературно-музыкальные. Это «вечера» без танцев, только с литературной частью. Второе приоритетное направление развлечений – «познавательное», включающее, главным образом, экскурсии. Остальные виды перечисленных развлечений должны, по его мнению, употребляться редко, время от времени, «спорадически». Стоит обратить внимание на гимнастику, особенно «соколиную», как в Петербурге. В Симферополе, как подсказал ректору преподаватель семинарии Ролл, имеются преподаватели соколиной методики, и он готов помочь в их привлечении. Также ректор семинарии обратил внимание на то, что духовенство епархии, как он думает, не готово финансировать этот проект, и с этим надо что-то делать. Предложение архимандрита Вениамина состояло в том, чтобы создать механизм, работающий на эти цели: «систематически в течение целого года, чтобы освежение происходило периодически» (ГАРК. Ф. 346. Оп.1. Д. 113. Л. 86).

Судя по реакции преподавательского актива семинарии – Педагогического собрания Правления Таврической духовной семинарии – все были обескуражены этим предложением, которое было

высказано не как нечто малозначительное и второстепенное, а скорее, как масштабное и эпохальное. Очевидно, с такой системной постановкой вопроса не был ознакомлен во всей полноте и правящий архиерей епископ Димитрий, до прочтения полного варианта доклада. Но комиссия, как и требовалось, подробно и обстоятельно проанализировала высказанные предложения и, очевидно, не без инициативы владыки Димитрия составила подробный письменный рапорт. Если в целом оценивать этот документ, то из него явствует, что преподаватели семинарии специально или, не ведая того, не оценили высокий полет мысли ректора, его ориентацию на современность. Более того, они нашли возможным указать ректору на серьезные недочеты: «представляется полезным и более внимательное и частое посещение уроков Ректором Семинарии и инспекцией» (ГАРК. Ф. 346. Оп.1. Д. 113. Л. 89). Несомненно, здесь уже присутствовало инициированное правящим архиереем «свободное обсуждение» доклада ректора семинарии. Педагогическое собрание могло высказаться по существу, не скрывая своего мнения за дежурными фразами перед лицом своего начальства. Педагоги высказались сначала по наболевшему вопросу: не должен, с их точки зрения, ответственности со стороны архимандрита Вениамина к своим прямым, контролирующим, обязанностям. И лишь потом перешли к содержательному обсуждению высказанных им идей. Но и здесь заметно не только обсуждение, сколько встречное предложение придерживаться традиционных, привычных для церковного круга развлечений. Первый вопрос коснулся физических развлечений, «соколиной системы», которую нужно внимательно изучить. Далее педагоги переходят к области «ремесел», полезных своим практическим применением: переплетное искусство, столярное, токарное, пчеловодство. За ремеслами у них следует «поднятие интереса семинаристов к живописи, музыке». Но проблема здесь в том, что профильные преподаватели семинарии слишком загружены, чтобы в свободном режиме заниматься с семинаристами. Эту проблему должен решать ректор. По мнению педагогов, должны приветствоваться традиционные чтения литературного, музыкального, вокального характера, чтение рефератов, проведение юбилейных торжеств. Следующим пунктом у них шло приглашение в семинарию новых лекторов, а также артистов хоров. Экскурсиям в Крыму должно быть уделено особое внимание. Последнее, на чем сосредоточилась педагогическая комиссия, был вопрос о необходимости диспутов по поводу прочитанных рефератов или докладов. Здесь главным эффектом было бы живое общение учащихся и педагогов, а также решался бы вопрос о духовном надзоре за воспитанниками из

пансиона. В конце рапорта звучали предложения об изыскании средств на предложенные мероприятия. Заметим, что в рапорте ни разу не прозвучала фраза «развлечение для воспитанников» или «освежение чувств». Педагоги явно дистанцировались от столь вызывающей постановки дела, касающейся организации внеучебной части. Они предложили, как и раньше было, не развлекать семинаристов, а организовать им художественный труд или же разнообразные интеллектуальные формы досуга, полезные и интересные.

Архивный материал не дает нам возможности в деталях увидеть, как отреагировал архимандрит Вениамин на столь решительный отпор его начинанию, но видно, что его сильно задела смелая реакция педагогов, и еще в большей степени – негативная реакция епископа Димитрия, о которой мы можем судить лишь по косвенным данным. После этих событий архимандрит Вениамин берет, очевидно, отпуск, он не появляется на обязательных заседаниях Правления Таврической семинарии, обычно возглавляемых ректором. События происходят в начале июня 1913 г. После этого он появляется на одном заседании Правления 19 августа и опять исчезает. 27 августа появляется указ Синода за № 13504 о перемещении ректора Тверской духовной семинарии в Тверь. Несомненно, все летнее время архимандрит Вениамин провел в консультациях в столице (скорее всего, обсуждая эту проблему с митрополитом Антонием (Вадковским)), решая вопрос о перемещении в другую епархию. Хорошие столичные связи позволяли ему надеяться на успех.

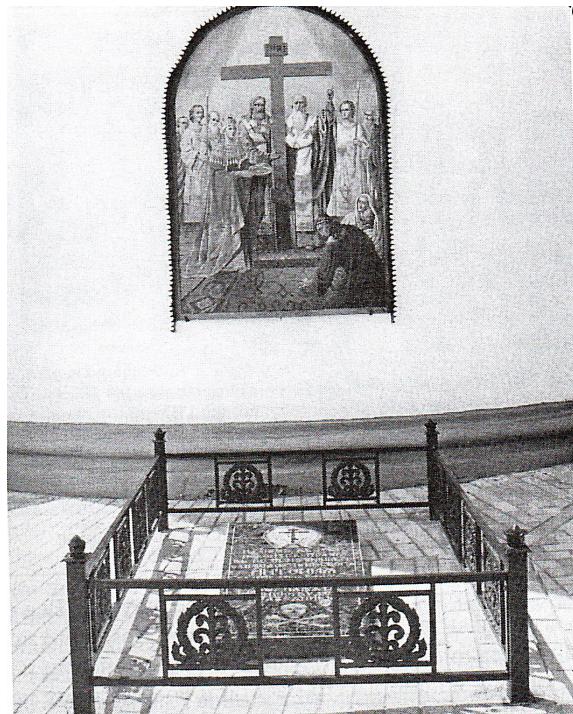
Из документов выясняется, что в епархии «неожиданно» появляется новая кандидатура на пост ректора Таврической духовной семинарии, игумен Иринарх (Синеоков-Андреевский), инспектор Якутской духовной семинарии, а прежний ректор архимандрит Вениамин перемещается, по его прошению, руководить Тверской гимназией. В Якутию на место о. Иринарха отправился из Благовещенска протоиерей Николай Нифонтов (ГАРК. Ф. 346. Оп.1. Д. 113. Л. 137). Нам доподлинно не известно, кем была предложена кандидатура архимандрита Иринарха, только 2 года и 7 месяцев прослужившего в Якутии, но думается, что это епископ Димитрий узнал о нем по своим личным каналам (возможно, через протоиерея Иоанна Восторгова) и по тем же каналам было организовано представление о нем в Синоде.

Епископ Димитрий, однако, не ожидал такой бурной реакции от архимандрита Вениамина, а действия владыки, направленные на мягкое сворачивание темы «развлечений семинаристов», как и мягкая критика административных просчетов архимандрита, не нашли должного отклика у рек-

тора, он просто обиделся на критику, обиделся на непонимание его планов, обиделся, что преподавателям было разрешено со стороны архиерея его раскритиковать, и посчитал, что здесь он так и будет находиться под прицелом подобной критики, поддерживаемой архиереем. Тем не менее владыка Димитрий провожал его добрым словом, даже сердечно, и в общем-то искренне, по-отечески, ничем не выдавая своего критического отношения к прошлому. Приведем здесь его слова прощания целиком, несмотря на обширность цитаты, поскольку они весьма красноречивы. Да и публикуются впервые. «С глубочайшим сожалением расстаюсь с дорогим о. Ректором, Высокопреподобнейшим Архимандритом Вениамином. Будучи прекраснейшим священнослужителем-иноком о. Архимандрит Вениамин принимал живое участие в устраивании церковных торжеств. Даровитый, талантливый проповедник слова Божия о. Вениамин, не зная усталости, оглашал городские храмы Божьи и иные собрания православных христиан назидательной проповедью, произнося иногда по 3-4 проповеди в день. Стоя с подобающей и осознательной пользой во главе многих епархиальных учреждений, о. Ректор нашел время и возможность основать и особый религиозно-философский кружок, и много, много поработал для его осуществления. Кипучая церковная деятельность о. Ректора в Симферополе, я уверен, никогда не изгладится из памяти лиц, имевших возможность так или иначе знать его. Талантливое же педагогическое и административное служение о. Ректора, выполненное энергией, мужества, сердечности, мягкости и снисходительности, надеюсь, навсегда сохранит в сердцах его бывших воспитанников и сослуживцев благодарную молитвенную память о нем. Да поможет ему Господь и на новом месте служения его быть столь же трудолюбивым, плодотворным, непостыдным Христовым воином, каким я знал его в Симферополе. Тверская семинария одна из немногих любых наших духовных учебных заведений, и призван туда от нас о. Ректор высшим Священноначалием, вне всякого сомнения, как талантливый, молодой, энергичный педагог-администратор, заслуживающий всякого поощрения. Глубоко почитая о. Ректора, не могу молитвенно не пожелать ему и скорого Архиерейства ради вящей славы Христовой Церкви. До приезда нового ректора исполняющим обязанности ректора быть о. Инспектору, которую будет исполнять А. Л. Высотский. Должность председателя Епархиального училищного совета и Епархиального Миссионерского Комитета о. Архимандрит сдаст о. прот. Назаревскому, которого сим и назначаю временно исполняющим должность председателя Епархиального Училищного Совета и Товарищем Председателя Епархиальной Миссионер-

ской Комиссии. Должность редактора нашего епархиального органа временно возлагаю на инспектора. Епископ Димитрий» (ГАРК. Ф. 113. Оп. 1. Д. 346. Л. 138–139). При всей теплоте и благожелательности тех характеристик, которые употребляет епископ Димитрий в отношении архимандрита Вениамина, видно, что это характеристика относится скорее к светскому человеку, чем к церковному; употребляются такие эпитеты, как «талантливый», «молодой», «энергичный», «кипучая церковная деятельность», «педагог-администратор, заслуживающий всякого поощрения». И особенно режет слух это публичное «молитвенное пожелание архиерейства». Это, конечно, не ирония, но определенная духовная сдержанность епископа Димитрия, подчеркивающего приоритет внешних достоинств архимандрита и ни разу не остановившегося на его духовных качествах. Сам по себе выбранный стиль «похвалы» вносит в происходящее нечто казенное, что совершенно было несвойственно святителю Димитрию, отличавшемуся сугубой искренностью. Думается, в данном случае это чисто педагогический прием, направленный на вразумление архимандрита Вениамина, не по-церковному разрешившему ситуацию со своим перемещением. Ряд фактов, большей частью косвенных, позволяют нам считать, что архимандрит Вениамин впоследствии переживал за происшедшее в Симферополе; на совести его лежала вина за дело, которое он не сумел достойно выполнить на посту ректора. Вот почему в воспоминаниях он так подчеркивает незначительный, казалось, эпизод, связанный с перестройкой и расширением домашней церкви в Тверской семинарии, куда он попал после Крыма. Чувствуется, что это сугубо важный факт его ректорской биографии, он словно оправдывается им за предыдущие просчеты в Таврической семинарии: «Сколь труда я положил туда!» (Митрополит Вениамин 2023: 162). Но нигде в воспоминаниях нет ни слова о произошедшем в Крыму. Даже когда между делом он говорит о перемещении из Таврической в Тверскую гимназию, опять же словно забывает о подлинных обстоятельствах той ситуации: «Из Крыма года через два с лишним меня перевели почему-то в Тверь ректором» (Митрополит Вениамин 2023: 220).

Надо сказать, что преемник архимандрита Вениамина на посту ректора, архимандрит Иринарх, был, очевидно, посвящен епископом в обстоятельства ухода его предшественника, потому что он со всей строгостью отнесся ко многим вещам, требующим другого подхода. Прежде всего, медленно, но неукоснительно стал решаться кадровый вопрос, велась проверка соответствия квалификации преподавателя и занимаемой им должности. Однако первым обнаруженным казусом стало выявление

Могила святителя Димитрия (Абашидзе).

Восстановлена. Киево-Печерская Лавра.

Современный вид.

Источник: Протодиакон Василий Марущак 2006: 190

нарушений в порядке отправления воспитанников на каникулы. Имеется документ, косвенно свидетельствующий об обращении нового ректора к архимандриту Вениамину с просьбой объяснить, почему одному и тому же воспитаннику выдавали несколько удостоверений на льготный железнодорожный проезд. В то время как по правилам необходимо было выдавать один документ туда и обратно. Никаких других документов по льготе не положено (ГАРК. Ф. 113. Оп. 1. Д. 342. Л. 16). Как отреагировал на это письмо архимандрит Вениамин, нам не известно. Но гораздо серьезнее оказалось другое. Два человека из педагогического коллектива оказались не соответствующими по квалификации занимаемым должностям. Первым был учитель пения Першин Николай Емельянович, «не имеющий чина», вторым был преподаватель французского языка Александр Михайлович Ролл, выдумавший биографию и, очевидно, подделавший документы. Оба эти человека появились в гимназии в разное время; Першин – еще до архимандрита Вениамина, а вот Ролл был принят при нем. Это выяснил архимандрит Иринарх. А. М. Ролл появился в гимназии в феврале 1913 г., после ухода прежнего преподавателя французского Б. П. Малахова. На вакантную должность подали документы два человека

А. М. Ролл и штабс-капитан 51 пехотного Литовского полка Михаил Терлецкий. Последний получил образование в Воронежском кадетском корпусе и Александровском военном училище в Москве. Ролл прожил, с его слов, 32 года в Париже, имел свидетельство на право преподавания французского языка в средних учебных заведениях, выданное лектором Новороссийского университета и находящееся в учебном отделе министерства торговли и промышленности. То есть документ на руки ректору так и не был представлен. Ролл сослался на то, что он 5 лет состоял преподавателем французского языка в Симферопольском коммерческом училище. Претендентов испытывали на знание французского, оказалось, Ролл владеет языком лучше Терлецкого, поэтому приняли его. Ссылка Ролла на преподавание в коммерческом училище была проверена и выяснилось, что тот преподавал еще и в Симферопольском купеческом обществе. Законоучитель в Коммерческом училище протоиерей Иоанн Тяжелов дал хороший отзыв о Ролле (ГАРК. Ф. 113. Оп. 1. Д. 346. Л. 21). Словом, главное, что узаконивало право Ролла преподавать в семинарии, документ о его квалификации, так и не был получен руководством семинарии в лице архимандрита Вениамина, и тот довольствовался только словом претендента и отзывами о нем в Симферополе. Между тем как принятый в гимназию Ролл обретал не только обязанности, но и права, важнейшим из которых было участие в ежемесячных заседаниях Правления семинарии, с правом голоса при решении важных вопросов. Кроме того, квалифицированный преподаватель гимназии имел право на пользование эмеритальной кассой, на свой пенсионный фонд для духовного сословия. Также квалифицированные преподаватели синодального учреждения, каким являлась духовная семинария, пользовались правами государственной службы. Очевидно, эти права давали возможность иметь прибавление к окладу в виде надбавок, премий и проч., что в значительной степени увеличивало общую сумму оклада. Например, в 1916 г. месячный оклад преподавателя за 12 уроков составлял 900 руб., к нему прибавлялись 800 рублей за выслугу и 600 руб. за классное воспитание, получалось 2300 руб., совсем неплохая сумма (ГАРК. Ф. 113. Оп. 1. Д. 362. Л. 416. 1917 г.).

Предположительно, Ролл и неквалифицированный учитель пения Першин сами обнаружили себя, точнее, заставили задуматься нового ректора архимандрита Иринарха, когда стали проявлять активность в деле получения льгот. Першин, например, написал заявление о рассмотрении вопроса, касающегося пользования льготами государственной службы. После чего ректор навел о нем справки, выяснил, что преподаватель пения не имеет долж-

ного диплома и, по сути, трудится в семинарии на птичьих правах. Результаты расследования были доложены епископу Димитрию, на что тот вынес строгую резолюцию.

Похожим образом складывалась и история с разоблачением преподавателя французского языка Ролла. Тот, судя по всему, вместе с Першином стал выяснять свои права на льготы, после чего и попал в поле зрения нового ректора. Последний навел справки о прошлом и выяснил, что «Александр Михайлович Ролл, выдававший себя за французского уроженца римо-католического вероисповедания, по наведенным справкам, (им подтвержденным) оказался мещанином г. Луцка, еврейского происхождения, крещенный за границей по англиканскому обряду; ни к какой церковной общине не принадлежит. Подобное фальшивое положение г. Ролла вынуждает меня, – пишет архимандрит Иринарх в рапорте на имя епископа Димитрия, – просить Ваше Преосвященство об освобождении его от обязанностей преподавателя французского языка в семинарии» (ГАРК. Ф. 113. Оп. 1. Д. 350. Л. 39 об.). Рапорт был представлен архиерею 14 марта 1914 г. В тот же день епископ Димитрий написал на рапорте свою резолюцию: «Ролла уволить от занимаемой им должности. Удивляюсь неосторожности Правления Семинарии, решившего принять в свою среду человека, совершенно неизвестного и этим причинившего мне немалую скорбь. Благодарю о. ректора, с моего ведома и разрешения добившегося раскрытия Роллова самозванства» (ГАРК. Ф. 113. Оп. 1. Д. 350. Л. 39). Как видим, епископ Димитрий намеренно не упоминает имени бывшего ректора семинарии архимандрита Вениамина, а всю вину возлагает на Правление, учительский коллектив. Также не затрагивается вопрос о документах Ролла, подтверждающих его квалификацию, потому что для выяснения дела хватило и того, что было обнаружено.

Учитель музыки Н. Е. Першин, как и А. М. Ролл, был уволен как преподаватель, занимающий не соответствующую его квалификации должность. Резолюция архиерея от 14 ноября 1914 г. была такова: «В Правлении Семинарии Н. Е. Першин был и ныне состоит учителем Образцовой при Семинарии школы. Ему, как знатоку пения, было поручено преподавание уроков пения в Семинарии. Не знаю на каком основании Н. Е. Першина, человека не получившего серьезного образования, окончившего лишь городское училище, ввели в число преподавательской корпорации, приглашали на педагогические собрания, приглашали его участвовать в решении вопросов, в обсуждении которых он не мог быть полезен. Давно ли стали приглашать в педагогические собрания гг. Помощников инспекторов, людей с высшим образованием, а Першин, не выдавший даже первых

классов семинарии, допускается с правом голоса во всех сложных вопросах, касавшихся образовательной и воспитательной сторон семинарской жизни. И Алексей Лукич Высотский и Н. Е. Першин наравне должны обсуждать педагогические вопросы, касающиеся воспитания семинарии – это не только волниющая несправедливость, а прямо изувечество над средним учебным заведением. Я привык уважать высокое звание преподавателя семинарии и, надеюсь, никто не в состоянии отучить меня от этой доброй привычки. Будь Н. Е. Першин выдающийся регент, я, пожалуй, молчал бы, но он регент третьего разряда; с образованием курса городского училища и не смотря на все это, попал в число преподавателей семинарии, – это, повторяю, считаю недопустимым. Могу лишь терпеть его в качестве преподающего уроки пения по вольному найму. Отныне прекратить приглашать Н. Е. Першина на педагогические собрания. Разрешается призывать его при возбуждении в педагогическом собрании вопросов по поводу преподавания в семинарии пения; по рассмотрении же этих вопросов, он должен удаляться из зала заседаний. Никаких прибавок Н. Е. Першину не выдавать. В Хозяйственное Управление донести и просить кого следует, дабы неправильно полученное им добавочное содержание с 1 сентября 1913 г. оставлено было бы за ним, а удержать с него 65 руб., т. е. со дня обнародования, или вернее сказать, того дня, как нам уяснилось, что Н. Е. Першин преподает уроки пения в Семинарии по вольному найму. При этом считаю нужным объявить, что не вижу никакой надобности в соединении обязанностей учителя Образцовой школы с обязанностями преподавателя пения в семинарии. Регента III разряда не трудно найти для Семинарии; нам нужно для Семинарии авторитетного преподавателя, получившего хотя бы среднее образование. Епископ Димитрий» (ГАРК. Ф. 113. Оп. 1. Д. 350. Л. 193–193 об.). Здесь, как мы видим, виновные в ситуации вообще не обозначены епископом Димитрием.

Между тем как оба случая, конечно, имели один и тот же источник происхождения – недосмотр архимандрита Вениамина, вызванный, очевидно, его увлеченостями другими, не административными сторонами деятельности на посту ректора семинарии. Сюда можно отнести многочисленные командировки, участие в съездах и прочих церковных и государственных мероприятиях. Об увлеченности контактами с внешним миром свидетельствует, например, созданный им религиозно-философский кружок, ориентированный на широкие слои интеллигенции. Сюда же можно отнести особое внимание архимандрита к классической русской литературе, как поводу для разговора с интеллигенцией, откуда потом появилась книга «Веруют ли умные люди»²,

написанная автором уже в 1930-е годы, в годы эмиграции. Но материал, судя по всему, начитывался задолго до 1930-х годов, и для этого требовалось время. Нам здесь интересно отметить то главное, что выделяет автор в религиозности русских классиков. Во-первых, он отбирает произвольный круг «умных людей»; здесь и некоторые литераторы, и богослов святитель Игнатий Брянчанинов (тогда еще не прославленный), не очень известный теперь философ В. А. Кожевников, хирург Н. И. Пирогов. Во-вторых, митрополит Вениамин демонстрирует не стержень жизненного мировоззрения «умного человека», а большей частью эпизоды, связанные с проявлением веры у него или отдельного внимания к религии. Поэтому богоборец Горький у него соседствует со святителем Игнатием; о софинианстве (тоже вере) Владимира Соловьева не сказано ни слова. Вера здесь привязана к «психологическому состоянию» человека: «Человек во всем видит только то, что лежит в нем самом. Такова психология человека!» (Митрополит Вениамин 2001: 216). Словом, выходя с миссионерской проповедью к маловерующей или неверующей интеллигенции, митрополит Вениамин опирается на шаткую конструкцию «примеров», показывающих, что «умные люди», то есть сама же интеллигенция, по-разному относились к религии, от полного отрицания ее до абсолютного принятия. Что дает нового для миссионерства это «количественное перечисление» фактов религиозности? Скорее, ничего нового.

Миссионерство понималось митрополитом Вениамином несколько иначе, не в классическом его, церковно-православном виде, как понимал его епископ Димитрий (Абашидзе), а несколько в другом ключе, как «умный разговор» и спор «умных людей», умных церковно и светски. Традиционное же миссионерство исходило из того, что Слово Божие приходило к человеку через «Нагорную проповедь», когда миссионер свидетельствовал, как Спаситель об истине, а неофиты ему внимали; сялось зерно, которое должно было со временем взрасти. Митрополит Макарий Невский, сибирский миссионер, как замечает автор статьи в «Таврических епархиальных ведомостях», придерживался именно такой позиции: «Этот почтенный Владыка, теперь уже старец, говорит, что весьма существенным и главным недочетом проповеди современных миссионеров является излишне подробное раскрытие лжеучения противников православной Церкви в ущерб прямому сообщению святых истин православного вероучения» (И. А. 1911: 18).

В Церкви в начале XX в., после манифеста 17 октября 1905 г., появилась полемическая форма донесения истины, когда миссионеры приходили в сектантскую среду и вели там диспуты. Были, ко-

нечно, такие споры о вере и в XVI в., при Иоанне IV, и в XVII в., когда разгорался раскол в Церкви, но это были отдельные эпизоды, не характерные для миссионерской деятельности. Когда святитель Димитрий (Абашидзе) прибыл на Таврическую кафедру, Церковью активно велась борьба с сектантами, и диспуты были составной частью миссионерской программы. Святитель впервые здесь столкнулся со столь активным полемическим противодействием, так что ему порой приходилось обращаться в Петербург, в Синод с жалобами на «сектантские безобразия и наглые выходки, нарушение нравственных норм» (ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 4377. Л. 87. 1912 г.). Кстати сказать, опытные епархиальные миссионеры были недовольны такой формой миссионерства; они считали, что православные, приглашенные на диспут, набирались здесь больше отрицательного, чем положительного, а священники, направленные епархией на защиту веры, получали со стороны сектантов активный отпор, но главным образом нравственного порядка, в виде насмешек, оскорблений, грубых издевательств (ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 4377. Л. 39 об.) Судя по всему, епископ Димитрий, не демонстрируя этого, отказался от данной формы борьбы с сектантством, потому в материалах последующих лет не встречается подобных дел.

Судьба тесно столкнула двух церковных иерархов еще раз в годы революции, когда в 1917 г. архимандрит Вениамин вынужден был перебраться из Твери на юг, в Крым. Он не пишет в воспоминаниях о конкретных обстоятельствах расставания с Тверью и Тверской духовной семинарией, лишь упоминает, что семинаристов распустили по домам за «два-три дня» перед Февральской революцией, «за недостатком средств на содержание» (Митрополит Вениамин 2023: 192).

Судя по его описаниям событий Февральской революции в Твери, отличавшейся кровопролитием и жестокостями, именно эти обстоятельства заставили архимандрита удалиться из Твери в Москву «повидаться с друзьями». Приехав вскоре ненадолго в Тверь, архимандрит отправился в Крым на лечение, откуда вернулся только после «подавления июльского восстания большевиков» (Митрополит Вениамин 2023: 196). Думается, тогда же архимандрит выяснил ситуацию со своим возможным перемещением из Твери в Крым, потому что в сентябре его кандидатура уже появилась в числе претендентов на ректорство.

В 1917 г. в Крыму, по новому положению, избрание ректора было возможно только на конкурсной основе. Прежний ректор Таврической семинарии, архимандрит Иринарх, был затребован Синодом на епископскую хиротонию в Петроград, после чего определен на свободную епископскую кафедру в

Архиепископ Пермский и Соликамский Иринарх (Синеоков-Андреевский, 1871–1933)

Тобольск, по указу Синода от 8 июля 1917 г. (ГАРК. Ф. 113. Оп. 1. Д. 362. 1917 г.). Неясно, кто выдвинул его кандидатуру на эту должность, но пребывание в Крыму архимандрита Вениамина и вызов архимандрита Иринарха в Синод для нового назначения совпали. До сентября 1917 г. Таврическая семинария не имела ректора. К сентябрю определились с кандидатами на эту должность, их оказалось 10 человек: 1) смотритель Уральского Духовного училища протоиерей Василий Ярмолюк; 2) наблюдатель церковной школы Херсонской епархии протоиерей Никифор Блошенко; 3) преподаватель Волынской духовной семинарии протоиерей Александр Голосов; 4) настоятель Вознесенского собора г. Бердянска протоиерей Александр Лукин; 5) смотритель Озургетского духовного училища священник Антоний Быков; 6) заведующий Киевской церковно-приходской школы священник Александр Дивногорский; 7) инспектор Городнянской Черниговской губ. мужской гимназии Анатолий Федорович Гораин; 8) смотритель Мингрельского духовного училища священник Орест Гребинский; 9) ректор Тверской духовной семинарии архимандрит Вениамин (Федченков); 10) инспектор Таврической духовной семинарии, исполняющий обязанности ректора протоиерей Сергей Николаевич Добропольский.

мыслов. На заседании Правления Таврической духовной семинарии была проведена тайная баллотировка, на основе которой ректором был выбран архимандрит Вениамин (11 шаров из 16), на втором местеprotoиерей Сергий Добромуслов – 8 шаров из 16 (ГАРК. Ф. 113. Оп.1. Д. 362. Л. 38. 1917 г.). 30 сентября прошли выборы, а 20 октября 1917 г. архимандрит Вениамин приступил к обязанностям ректора Таврической духовной семинарии (ГАРК. Ф. 113. Оп.1. Д. 365. Л. 47. 1917 г.). Сам он в воспоминаниях подчеркнул, что «по доброй памяти таврическая корпорация педагогов избрала ректором меня» (Митрополит Вениамин 2023: 218). Хотя это подано с большим упрощением ситуации с выборами. Что касается роли архиепископа Димитрия, то мы исключаем, что он поддержал эту кандидатуру как-то косвенно, хотя могло быть и иначе, все было предоставлено им «на волю Божью».

Тем не менее, став второй раз ректором Таврической семинарии, архимандрит Вениамин, в общем-то, ведет себя здесь так же, как и в первый срок: сразу переключается на «внешнюю деятельность». Уже 24 октября он отсутствует на заседании Правления семинарии, protoиерей Сергий продолжает выполнять обязанности и/о ректора. 29 октября архимандрит Вениамин выбран от Таврической семинарии делегатом на Украинский церковный собор, который должен был заседать 3 недели. Решение подписал и/о ректора инспектор С. Рубинский (Митрополит Вениамин 2023: 144). Революционные события осени 1917 г. заставляли его постоянно отвлекаться на разного рода мероприятия, не относящиеся напрямую к его ректорским обязанностям, хотя для самой семинарии это были тяжелейшие времена: Синод перестал оплачивать семинарский пансион (а это почти половина учащихся, около 70 человек); дисциплина и успеваемость резко упали, что требовало от педагогов особых усилий и неординарных действий. Но вновь подчеркнем: нигде в воспоминаниях это трагическое время для семинарии, которой руководил архимандрит Вениамин, не упоминается, потому что не о чем вспоминать. Говорится лишь о торжественной встрече его в семинарии после епископской хиротонии, после возвращения из Одессы в Симферополь: «В то время я был вторично ректором Крымской семинарии; семинаристы встретили меня как епископа, с сердечной любовью» (Митрополит Вениамин 2023: 287). Но стоит напомнить, что архимандрит Вениамин появился здесь в качестве ректора в октябре 1917 г., а не в феврале 1919 г.³ Чем было заполнено его время с ноября 1917 г. по февраль 1919 г., то есть год с небольшим, неизвестно. В одной из опубликованных биографий сообщается, что все это время, по

18 декабря 1918 г., он провел в Киеве, в качестве участника Украинского верховного собора (Митрополит Вениамин 2024), хотя это неверно. Сам же митрополит пишет, что в 1917–1918 гг. он был участником Поместного собора в Москве, причем делегатом от Тверской епархии, от «корпорации дьячков»; а вот Украинский Киевский собор он относит к 1918–1919 гг., и делегировали его тогда преподаватели Таврической духовной семинарии. По документам же, архимандрит делегируется на Украинский собор в октябре 1917 г., вскоре после избрания на ректорство. Но он направляется не в Киев, а в Москву, на Поместный собор, который открылся 15 (28 августа) 1917 г., куда он имел также документ делегата от Тверской епархии. Точнее, архимандрит был выбран, а за документом отправился позже, в октябре 1917 г. (а не в феврале 1918 г., как сам он пишет) (Митрополит Вениамин 2023: 234). В Москву он попал в начале ноября, поэтому из «дел собора» вспоминает только бомбежку Кремля красногвардейцами, которая пришла на конец октября – начало ноября 1917 г. Архимандрит после приезда на собор разместился в Кремле и там попал под обстрел, скрываясь в подвальных помещениях с монахами. Потом, через какое-то время (9 декабря первая сессия, посвященная выбору патриарха, завершила работу)⁴ архимандрит уезжает на родину в г. Кирсанов Тамбовской губ. к родителям, скорее всего за благословением на архиерейство, поскольку, очевидно, получил от патриарха такое предложение. Из Тамбовской губ. он вернулся в Москву, не столько для участия в соборе, сколько для получения писем от патриарха: «Собор уже кончал свою десятимесячную работу, да и средств не было, и члены собора разъезжались. Времена становились все труднее и сложнее. Мне нужно было возвращаться в Крым, на службу в семинарию. Кроме того, я был еще членом Украинского собора» (Митрополит Вениамин 2023: 240). Архимандрит Вениамин едет на Украину прямо из Москвы весной 1918 г. через Смоленск и Оршу. «В Киеве всеказалось благополучно, мирно и сътно... Я привез с собой какие-то письма от Патриарха Тихона и передал их по назначению духовным лицам» (Митрополит Вениамин 2023: 245).

До начала февраля 1919 г. продолжалось его пребывание в Киеве как участника Киевского собора. В Одессе, на пути возвращения в Крым, архимандрит был хиротонисан во епископа, викария Таврического архиепископа Димитрия, возглавившего тогда чин хиротонии во епископа. Главную роль в этом сыграло письмо патриарха Тихона, на основе которого собор Украинской Церкви и принял решение об архиерейской хиротонии архимандрита Вениамина. Как видим, и здесь архиепископ

Димитрий выполняет роль скорее послушника патриарха и собора, нежели инициатора хиротонии. Судя по всему, инициатива (опять в мягкой форме) была на стороне самого архимандрита Вениамина. Таким образом, после более чем годового отсутствия в Таврической семинарии, уже в статусе епископа, он и был встречен семинаристами (почему-то не упоминаются ни преподаватели, никто другой) «с сердечной любовью». Но и после февраля 1919 г. епископу не удалось потрудиться на посту ректора Таврической духовной семинарии, потому что Севастопольское викариатство, да и разгорающаяся Гражданская война, активное участие в Белом движении на Юге в качестве епископа Белой Армии и Флота, заменившего на посту главы военного и морского протопресвитера о. Георгия Щавельского, – требовали особых сил и времени. Таким образом, его ректорство в 1917–1919 гг. в Таврической духовной семинарии можно считать формальным, поскольку все это время он отсутствовал, находясь в командировках.

Пещера, где находится захоронение митрополита Вениамина (Федченкова). Псково-Печерский мужской монастырь. 2006 г. Фото Е. Быстровой

Со стороны святителя Димитрия (Абашидзе) мы не наблюдаем никаких «человеческих» эмоций по поводу столь малоэффективной деятельности митрополита Вениамина ни в первый срок его ректорства в Таврической семинарии, ни во второй

срок. Таврический владыка ведет себя спокойно идержанно, хотя, судя по приведенным данным, все понимает, всякий раз трезво оценивает ситуацию, даже пытается мягко подвигнуть того на покаяние, переосмысление своего отношения к порученному ректорскому служению. Архиепископ до последнего дня, до прощания перед отплытием епископа Вениамина с армией Врангеля в Константинополь, не осуждает ничего из того, что порой неправильно делает его собрат по архиерейству. В этой ситуации со стороны епископа Вениамина не было повода «бросить камень» в сторону архиепископа Димитрия, поэтому он пишет о нем, хотя и кратко, по существу: «Я запомнил святительское слово (при хиротонии. – Д. Г.) моего архиепископа (которого любил и люблю) на всю жизнь» (Митрополит Вениамин 2023: 288). И все же, как нам видится, это была «любовь», чуть ли не как «ко врагу», как это заповедовал Спаситель в Нагорной проповеди, потому что в глубинной основе эти два человека, скорее всего, так и не смогли стать близкими по духу. Слишком многое их разделяло, и прежде всего – понимание церковного служения; слишком много было светскости во «внешней деятельности» митрополита Вениамина, слишком подчинена была его жизнь внешним явлениям: карьере, успехам, – тщательно скрытым за аскетическими формами и сюжетами (неизвестно,вольно или невольно; как духовный человек, он, вероятно, с этим боролся, но не хотел посвящать широкую публику в детали этой внутренней борьбы). Им много написано о благочестивых людях, подвижниках и святых, имеются богословские работы, мемуары, но существует и ясно им высказанная в мемуарах позиция, оправдывающая гонения на Русскую Православную Церковь, изъятие церковных ценностей, существует ярко выраженная двойственность (Митрополит Вениамин 2023: 252–253). Скажем, о последнем он пишет: «Я никогда не любил политики и не занимался ею...». А на деле именно он, вместе с архиепископом Феофаном (Быстровым), вводят Григория Ефимовича Распутина в большой свет Петербурга, делают его ярчайшей «политической фигурой» (Митрополит Вениамин 2023: 251–252), трагической для российской предреволюционной государственности. Он преклоняется и благоговеет перед о. Иоанном Кронштадтским и не принимает поддержанное им общественно-политическое движение «Союз русского народа», хотя здесь провозглашались и защищались как будто и им исповедуемые мировоззренческие аксиомы: «православие, самодержавие, народность». Но епископ Вениамин возглавляет военное и морское духовенство Белой Армии в 1919 г., которая отличается индифферентностью и к первому, и ко второму, и к третьему, о

чем он подробно пишет в воспоминаниях. Итак, во всем он оправдывает власть большевиков за насилие над Церковью и народом и при этом обвиняет власть Петра I за то же насилие. Он судит патриарха Тихона за анафему большевикам, а священномученика Вениамина Петроградского – за противостояние большевистскому изъятию святынь из храмов, но оправдывает большевиков за Брестский мир. Он допускает как архиерей вести речь в своей книге воспоминаний «не с церковной точки зрения», а «с общечеловеческой» (Митрополит Вениамин 2023: 249, 250, 253–254, 258). Поэтому, хотя он и принимает на себя, находясь в ноябре 1917 г. в Кремле, бомбовые удары красноармейцев, но сердце у него не разрывается от боли «за святыню», как оно разрывалось у архиепископа Димитрия (Абашидзе) или епископа Нестора (Анисимова) в это

же время. Нет ни одного «дорогого» слова об этом. Он не раз говорит о своих «правых воззрениях», но на деле его «правота» была лишь «кругом общения с правыми», полезными знакомством с ними, его «правота» не более чем слова о ценностях, а не крупные жизненные поступки, вытекающие из право-христианского русского мировоззрения. В поступках митрополит Вениамин был скорее церковный либерал, чем человек правых убеждений. Вот почему, если вернуться к главной теме – взаимоотношениям двух иерархов, то будет совершенно правильным сделать вывод о глубокой разнице этих двух людей, которых промысел Божий сводил не раз вместе для пользы друг друга, но каждый из них понимал это по-своему: один духовно и церковно, другой же, в немалой степени, по-светски, как «счастливый» или «несчастный» случай.

Примечания

¹ Письмо опубликовано. См.: Ломоносов А. В. Вениамин // Розановская энциклопедия / сост. и гл. ред. А. Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 2008. С. 189.

² Рукописный вариант книги сохранился в архиве митрополита Мануила (Лемешевского); издан в журнале «Духовный собеседник. Журнал Самарской епархии Русской Православной Церкви» в виде отдельных очерков; указан автор: Митрополит Вениамин (Федченко): А. С. Пушкин (к юбилею. 1937–1937) [1999. № 1(17)–2 (18). С. 252–265]; В. А. Жуковский [1999. № 3(19)–4(20). С. 222–238]; Н. В. Гоголь [2000. № 1(21). С. 162–194]; И. С. Тургенев [2000. № 2 (22). С. 174–202]; Ф. М. Достоевский [2000. № 3(23). С. 150–162]; А. П. Чехов [2000. № 4(24). С. 148–192]; Л. Н. Толстой (1828–1910). М. Е. Салтыков-Щедрин [2001. № 1(25)–2(26). С. 182–202]; В. Г. Короленко. А. М. Горький. Епископ Игнатий (Брянчанинов). Н. И. Пирогов. В. С. Соловьев. С. Н. Трубецкой [2001. № 3(27). С. 208–237]; В. А. Кожевников [2001. № 4(28). С. 188–200].

³ По постановлению Священного Синода Украинской Автономной Церкви, действовавшего под председательством митрополита Платона (Рождественского), в Одессе архимандрит Вениамин 10 февраля 1919 г. был хиротонисан во епископа Севастопольского, викария Таврической епархии, и определен на должность настоятеля Херсонесского монастыря в Одессе. Хиротония состоялась в Покровском соборе Севастополя, ее возглавил архиепископ Димитрий (Абашидзе) в сослужении других иерархов. См.: Православный портал «Азбука веры». Раздел «Православная библиотека»: https://azbyka.ru/otechnik/Veniamin_Fedchenkov/ (дата обращения: 02.01.2024).

⁴ Он сообщает, что возвращается из поездки к родителям в Москву на собор, когда заканчивалась его десятимесячная работа, а это, если считать с августа 1917 г., – июнь 1918 г. И в то же время пишет далее, что из Москвы он едет на Украину весной 1918 г. По официальным данным, Вторая сессия собора проходила с 20 января по 7 (20) апреля 1918 г.

Источники

ГАРК – Государственный архив Республики Крым.

И. А. 1911 – И. А. Исповедь современного миссионера // Таврический церковно-общественный вестник. 1911. № 1/2.

Митрополит Вениамин 2001 – Митрополит Вениамин (Федченков). В. Г. Короленко. А. М. Горький. Епископ Игнатий (Брянчанинов). Н. И. Пирогов. В. С. Соловьев. С. Н. Трубецкой // Духовный собеседник. Журнал Самарской епархии Русской Православной Церкви. 2001. № 3(27). С. 208–237.

Митрополит Вениамин 2003 – Митрополит Вениамин (Федченков). Духовный лик Польши. Католики и католичество. М.: Пренса, 2003.

Митрополит Вениамин 2023 – Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже эпох. М.: Издательство «Отчий дом», 2023.

Митрополит Вениамин 2024 – Митрополит Вениамин (Федченков): литература об авторе // Православный портал «Азбука веры». Раздел «Православная библиотека»: https://azbyka.ru/otechnik/Veniamin_Fedchenkov/ (дата обращения: 02.01.2024).

- О неразумных развлечениях 1912 – О неразумных развлечениях (Из творений Св. Василия Великого) // Таврический общественно-церковный вестник. 1912. № 3. С. 29–37.
- Определение Святейшего Синода 1912 – Определение Святейшего Синода // Таврический общественно-церковный вестник. 1912. № 3.
- Отбытие из духовной семинарии 1911 – Отбытие из духовной семинарии бывшего ректора архимандрита Серафима // Таврический общественно-церковный вестник. 1911. № 26.
- Прощальное слово 1912 – А. В. Прощальное слово // Таврический общественно-церковный вестник. 1912. № 12. С. 465–468.
- Хроника 1911а – Хроника // Таврический общественно-церковный вестник. 1911. № 12/13.
- Хроника 1911 б – Хроника // Таврический общественно-церковный вестник. 1911. № 22.

Научная литература

- Бэттс Р., Марченко В. Духовник царской семьи Святитель Феофан Полтавский (1874–1940) / предисл. игумена Германа с братией. М.: Российское отделение Валаамского общества Америки, 1994.
- Просветов Р. Жизненный путь митрополита Вениамина (Федченкова). 1880–1961 / сост. Р. Просветов. М.: Правило веры, 2022.
- Малов А. Жизненный путь и пастырское служение митрополита Вениамина (Федченкова). Сб. материалов. Б. м., б. г. // Архив библиотеки Московской духовной академии (инд. № 165788; Б-10, В29)
- Пученков А. С., Калиновский В. В. Духовный форпост России. Православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб.: Владимир Даль, 2020.
- Протодиакон Василий Марущак. Архиепископ Димитрий, в схиме Антоний (Абашидзе). Жизнеописание. Слова, возвзвания и письма. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006.
- Рылкова Л. П. Биографические сведения о братии Киево-Печерской Лавры, пострадавшей за Православную веру в 20 столетии. Киево-Печерская Свято-Успенская Лавра, 2008.

References

- Betts, R., and V. Marchenko. 1994. *Dukhovnik tsarskoi sem'i Svyatitel' Feofan Poltavskii (1874–1940)* [Confessor of the royal family Saint Theophan of Poltava (1874–1940)]. Moscow: Rossiiskoe otdelenie Valaamskogo obshchestva Ameriki.
- Prosvetov, R. 2022. *Zhiznennyi put' mitropolita Veniamina (Fedchenkova). 1880–1961* [The life of Metropolitan Veniamin (Fedchenkov). 1880–1961]. Moscow: Pravilo very.
- Puchenkov, A. S., and V. V. Kalinovskii. 2020. *Dukhovnyi forpost Rossii. Pravoslavnoe dukhovenstvo Kryma v 1914–1920 godakh* [Spiritual outpost of Russia. Orthodox clergy of Crimea in 1914–1920]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
- Protodeacon Vasili Marushchak. 2006. *Arkhiepiskop Dimitrii, v skhime Antonii (Abashidze). Zhizneopisanie. Slova, vozvaniya i pis'ma* [Archbishop Dimitry, in schema Anthony (Abashidze). Biography. Words, appeals and letters]. Sergiev Posad: Holy Trinity Lavra of St. Sergius.
- Rylkova, L. P. 2008. *Biograficheskie svedeniya o bratii Kievo-Pecherskoi Lavry, postradavshei za Pravoslavnyu veru v 20 stolietii* [Biographical information about the brethren of the Kiev-Pechersk Lavra, who suffered for the Orthodox faith in the 20th century]. Kiev-Pechersk Holy Dormition Lavra.

THE HISTORY OF THE RELATIONSHIP OF ST. DIMITRY (ABASHIDZE) WITH METROPOLITAN VENIAMIN (FEDCHENKOV)

Abstract. The article is devoted to the history of the relationship between two famous hierarchs of the Russian Orthodox Church – St. Dimitry (Abashidze) and Metropolitan Veniamin (Fedchenkov). New biographical material introduced into scientific circulation allows not only to fill in certain gaps in the biography, but also to raise the question of the nature of their relationship, their understanding of their church service and the identification of differences in this. It turns out that Metropolitan Veniamin professed a complex form of corporate behavior (and worldview), combining asceticism and secularism, which manifested itself in different ways in certain periods of his life. The article examines the years of his service as rector at the Taurida Theological Seminary: 1911–1913 and 1917–1919. At the same time, Saint Demetrios (Abashidze) was characterized by traditionalism, reliance on asceticism, and an ecclesiastical understanding of missionary work and educational and upbringing activities. Their relationship was entirely determined by the difference in their understanding of church tasks, including missionary work

Keywords: Saint Demetrios (Abashidze), Metropolitan Benjamin (Fedchenkov), history of relationships, Russian Orthodox Church, Taurida Theological Seminary, pre-revolutionary and revolutionary years.

Authors Info: Gozkalyuk, Dimitry – Archpriest, graduate student of the All-Church Postgraduate and Doctoral Studies named after Saints Cyril and Methodius, acting. Rector of the Tauride Theological Seminary of the Simferopol and Crimean Diocese of the Russian Orthodox Church (Yalta, Russian Federation). E-mail: gotdd@mail.ru

For citation: Archpriest Dimitry Gotskalyuk. 2024. The History of Relations between Saint Demetrios (Abashidze) and Metropolitan Benjamin (Fedchenkov). *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 39: 3–19

